

ТА САМАЯ ОВЦА, КОТОРАЯ НАУЧИЛАСЬ ЧИТАТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КАРИНА ГАЛУШКО

18+

Карина Галушко

**Та самая овца, которая
научилась читать**

«Автор»

2026

Галушко К. А.

Та самая овца, которая научилась читать / К. А. Галушко —
«Автор», 2026

В книге говорят четверо: она, он, Дьявол и жена. У каждого своя правда. Они пересекаются только в точках - вальс, аэропорт, сон. И этого достаточно, чтобы понять: реальность не одна. Часть 1 безумие открывает дверь во что-то большее. Часть 2 другие вселенные. Часть 3 флеш-рояль. Эпилог - крушение и тишина. Этот роман не только для тех, кто просыпался в 3:14 и знает, что стоит за этим хлопком. Он для всех, кто когда-то любил. История о том, как любовь убивает женщину, но она никак не может умереть — и ей приходится научиться любить по-новому. О том, как овцы играют в покер, Дьявол в ресторане пьет виски, а 3:14 становится не временем, а вполне осязаемой точкой в пространстве, в которой застряла жизнь. Эта Книга — не о том, как она проиграла. И не о том, как она выиграла. Книга — о том, что кто-то держал флеш-рояль и не открылся, чтобы победило каре. Между строк этой книги — всё. Её жизнь. Его. Ваша, если вы когда-нибудь осмелитесь примерить очки.

© Галушко К. А., 2026

© Автор, 2026

Карина Галушко

Та самая овца, которая научилась читать

От автора

Если Вам когда-нибудь приходилось долго сидеть в зале ожидания, Вы поймёте эту книгу.
Если Вы просыпались в 3:14, Вы уже в ней.

Если Вы всё ещё здесь, значит, Вы готовы.

Возможно, ваша душа тоже когда-то подписала договор, о котором лучше не вспоминать.

Хочу предупредить в этой книге время не течёт привычным вам образом: у него свой пульс и свой ритм. Оно то ускоряется, то замедляется, чтобы Вы могли заметить, как тает лёд, остывает кофе, как хлопок делит ночь на «до» и «после». Как смерть настраивает слух. Не пытайтесь читать её быстро, она не предназначена для скорости. Она создана для чистоты.

Я оставляю Вам очки, в которых видно путь.

Если встретите овцу # передайте ей, что книга готова и заяц жив!

«Всем съехавшим посвящается»

Пролог

*Иногда души выбирают друг друга не для счастья,
а для того, чтобы отпустить.*

Это и есть высшая степень любви.

И в этом главный урок.

Я опять пытаюсь заснуть. При этом считаю не овец, а безумия. Потому что, если перестать считать, можно окончательно потеряться.

Сколько раз в день Вы сходите с ума? Один, несколько? Попробуйте посчитать. Я схожу с ума ровно четырнадцать раз в день, семь дней в неделю. Я не пишу о безумии. Я пишу из самого его эпицентра.

Эта история не о расставании, или как вы можете подумать, о любви. И тем более не мемуары обиженной женщины. Это может показаться не совсем логичным, но я всеми силами пытаюсь избежать упоминания любовных сцен и даже имени человека, которого, вероятнее всего, не существовало. По крайней мере, в этой ветке реальности не сложилось.

Здесь каждое слово # попытка остаться вменяемой в ситуации, которая сводит с ума. С каждой строкой появляется абзац. И возможно, эта история когда-нибудь ляжет на бумагу, а не будет звучать как диагноз.

У меня не было цели написать книгу по реальным событиям, собственно говоря, оно и не вышло. Все герои вымышленные. Некоторые мертвы, но не похоронены. Любые совпадения # случайность, как и всё в нашей жизни.

Единственный реальный участник событий # Провидение. Бог!

Часть 1

Глава 1 + 4 = 5

Я уже перестала считать, сколько ночей просыпаюсь именно в это время. 3:14. Я привыкла спать по полтора часа в день. А если всё-таки удастся заснуть, приходят, как наваждение, кошмары, в которых # он.

Мы разошлись. Да кому какое дело при каких обстоятельствах? Не в этом суть. Но именно то, что не случилось не дает мне покоя даже в коротком сне. Утягивая меня в вальс до головокружения. Я не хочу, чтобы он заканчивался.

И меня кружит, кружит, кружит.

Вот-вот и я отключусь.

Хлопок.

Я не открываю глаза, я боюсь. Вдруг я открою и всё исчезнет. Нет, я не готова прощаться.

- Не уходи, подожди, сейчас я засну, - шепчу, еле шевеля губами, как будто он меня слышит.

И снова нас уносит танец. Только здесь мне хорошо и спокойно. Чувствую, опять теряю сознание. Вот # и снова...

Хлопок.

Открываю глаза. 3:14.

-За что?! Хотя бы сны оставьте!

И так ночь за ночью.

Нас снова кружит, я снова не хочу просыпаться.

Хлопок. 3:14.

Если допустить тот факт, что души, перед тем как спуститься на Землю прожить свой опыт, договариваются друг с другом. И самые близкие из них обычно берут на себя задачу причинить невероятную боль. Как бы ни было странно # из огромной любви.

В моей, абсолютно вымышленной истории, двум любящим душам никогда не удавалось остаться вместе.

В любом договоре есть пункт, вероятность исполнения которого ничтожно мала. Более того, она не подвластна даже статистике. К примеру, в покере всегда есть шанс, что фортуна сегодня на твоей стороне и выпадет флеш-рояль. Доля мала, но она есть. И её можно определить. Шансы составляют 4 из 2 598 960, или примерно

0,000154 %.

Это своего рода форс-мажор.

Как гласит закон: «Это чрезвычайные, непредвиденные и непреодолимые обстоятельства, препятствующие исполнению обязательств. Согласно статье 401 ГК РФ».

Редкий случай, когда юридическая метафора работает в обе стороны: для земли и для неба.

Если у душ есть договоры, соответственно должен быть и кодекс, который их регулирует. Этот пункт, вероятно, взяли именно оттуда.

Я не желаю кому-нибудь помнить и вообще знать об этом договоре. А если Вам случилось в недрах своего сознания найти хоть малейший намёк на его существование # постарайтесь его стереть. Забыть, насколько это возможно.

Сегодня 3:14, четырнадцатое августа. И сейчас я точно знаю то, чего знать не хочу.

Я помню. Действительно помню # мы в очередной раз договорились попробовать остаться вместе.

Но почему не помнит он?! И как сделать, чтоб он вспомнил?

Забегая вперед, отвечу сразу: никак. И даже не пытайтесь, если Вам посчастливилось разделить мой опыт. Всё тщетно.

В то же время в моей голове, в огромную просторную комнату, заселяется задачка. На вид очень простенькая, которую способен решить даже первоклассник: $1 + 4 = 5$.

Если 5 # значит, мы вместе.

Еще со школы все мы помним: от перемены мест слагаемых сумма не меняется. И даже иногда $14 = 5$, если очень захотеть.

Именно эти две цифры дали мне шанс # не только вернуться к полноценной жизни. Они дали больше – целый мир, в котором я никогда не бывала раньше.

Но, как показала практика, как бы ты ни складывал, в простом примере не всегда получается пять.

Привычная арифметика тут не работает. Вводные данные верны, но выбрана не та система исчисления. И в данной # 1 плюс 4 никогда не будет равно 5.

Больно и неудобно, когда у тебя отнимают костыль. Знаете, такой металлический, с пластиковой ручкой, на который ты опирался почти два года. Но когда-нибудь всё равно придётся идти самому. И, пожелав скорейшего выздоровления, ты отдаёшь костыль другому.

Как бы мне хотелось, чтобы было именно так. Но у меня никогда не было перелома. А к душе костыль не приложишь. Ну не для этого его придумали, как ни крути. И я просто несла его с собой. Да тяжело, да неудобно. Но я знала: он мой. Родной и любимый. Скажу честно, я совсем не собиралась его отдавать.

Пока само Провидение и его родители не решили – мальчику пора жениться.

Не на мне...

Глава Завтра

Я проснулась, как всегда, в 3:14. Словно после дурацкого сна, когда ты еще не понял, явь это или нет.

Телефон молчал, но я знала: кто-то должен был позвонить. Я не помнила кому и зачем, но чувствовала — я что-то пропустила.

На столе лежала тетрадь. Как она здесь оказалась? Открыла. На первой странице — моим почерком:

«Три смерти. Чтобы освободиться».

Я не помнила, когда это написала и не понимала, что это значит. Но рука дрожала. Где-то внутри, глубоко, я знала — это правда. Просто не хотела в это верить.

Я встала закрыла тетрадь, встала и сунула в ящик стола. Налила воды. Выпила стоя у окна, пока смотрела на пустую улицу. Слушала тишину и пыталась понять, о чем моргает фонарь.

Завтра я умру.

Я не знаю, откуда берутся мысли. Но эта была точной, как удар. Как хлопок. Как цифры на часах, которые я видела каждую ночь.

Я пошла в спальню и легла, даже не пытаясь заснуть. Смотрела в потолок.

И ждала.

Завтра.

Глава 3 дБ

Сколько раз за свою жизнь Вам доводилось умирать?

Не торопитесь отвечать. Подумайте.

До сих пор остаётся загадкой, какая магическая, космическая или божественная сила ворвалась в мою жизнь. Но она определённо больше не будет прежней.

Я не знаю, как устроены нейронные связи головного мозга и как они работают у человека, страдающего от хронического недосыпа и психоза. Насколько реальными могут быть иллюзии, фантазии или игры разума. И какой шанс, что они совершенно случайно и вопреки здравому смыслу встретятся с реальностью # ровно в том самом месте, в то самое время.

В первый раз умирать очень страшно. И до сегодняшнего дня я никому не говорила о своей маленькой, но очень жестокой войне. Я ожидала, что столкнусь с непониманием. Но одна идти я просто не могла.

Как хорошо, что на чай забежала сестра.

- Я совершенно точно знаю, моё сегодня зависит от выбора, который я сделала вчера, - слова сами вырвались из меня пока я ставила вазочку с конфетами на стол.

Она явно ничего не понимала, но слушала, потихоньку потягивая конфеты.

- И если я выбрала не то, он придёт и меня застрелит, - после этих слов меня начало немного трясти.

По взгляду было видно, что где-то в своей голове сестра поднесла указательный палец к виску и крутит.

- Куда там тебе надо? У меня есть время, пошли сходим, - сказала она и встала из-за стола.

Мы оделись и вышли.

Солнечно. Пусто и свежо. Это мог бы быть хороший день для прогулки, но жизнь мне подкинула другой сценарий.

- Нам нужно на ту сторону, - показываю на жёлто-белую зебру. Мы идём, я смотрю на свои руки, как же меня трясёт, чувствую, что-то страшное совсем рядом. В голове стоит гул и свист, шурю от яркого солнца, как будто впервые вижу свет. Текут слезы и только размытые жёлто-белые полосы меняются одна за другой.

Моё сердце перестало биться ровно в тот миг, как я ступила на переход.

Что-то впереди мелькнуло. Я не успела разглядеть. Секунды летели как сумасшедшие. Поворачиваюсь к сестре и говорю:

- Не знаю, правильно я вчера сделала или нет, но меня сейчас просто разорвёт, - сжимаю её руку.

- Успокойся, видишь никого нет, - она пытается привести меня в чувство.

Мы дошли до середины и остановились обе.

Как сонный паралич, но наяву. Исчезло всё: звуки шин, голоса, крики птиц, остался только он. Всё больше и больше нарастающий гул. Я перестала понимать # он во мне или я в нём. Мы срослись: ноги, голова, гул, асфальт и я, всё крепче сжимающая её руку.

Нам навстречу шёл совершенно незнакомый мужчина. За секунду до того, как мы встретились взглядами, я поняла, что ждала совсем не его. Я шла и где-то глубоко внутри даже хотела, чтобы ко мне навстречу шёл тот самый - мой, с автоматом. Чувствую, это первый раз, когда я не умираю от его рук. А мне хочется, как будто я уже привыкла. Мы с ним пристально смотрели друг на друга. Возможно, он тоже увидел в моих глазах что-то знакомое, но давно забытое. Незнакомец прошёл мимо, а его взгляд остался на мне и повис, всё сильнее прижимая к асфальту. Время остановилось, сердце отказалось биться или я просто не слышала его стук. Только гул, свист, я и автомат.

Сестра повернулась в мою сторону, я увидела её огромные голубые глаза. В них были одни вопросы. Она не могла выдать ни слова.

Мы так и остались стоять, держась за руки, посередине дороги. В чувство нас привёл резкий сигнал машины, водитель которой что-то кричал и махал рукой.

- Идите, что встали как овцы!

Мы ничего не услышали и не поняли, но пошли.

В ушах ещё гудело, будто мы внутри огромного динамика и кто-то слишком близко поднес микрофон.

Уже на другой стороне в голове мелькнуло # нам больше никуда не нужно, всё уже случилось.

-Домой. – спросила сестра?

Я кивнула. Мы развернулись и поплелись обратно.

Снова переход.

Мы шли молча. Я слышала только свои шаги и её # они почему-то не совпадали. Один шаг # мой, другой # её, и между ними провал. Я пыталась дышать ровно, но воздух входил рывками, как будто лёгкие забыли, как это делается.

У подъезда сестра остановилась, достала ключи и протянула мне. Я смотрела и никак не могла их взять. Руки всё ещё тряслись и не слушались.

- Я открою, - сказала она тихо.

И мы вошли. В коридоре пахло её духами и моим страхом. Я села на пол прямо у двери, прислонилась спиной к стене. Она села рядом. Молча положила свою голову мне на плечо.

Так мы сидели минут десять. А может, час. Время снова перестало существовать. Собственно, именно сегодня моя сестра стала живым свидетелем того, как пересекаются два мира. На одном пешеходном переходе.

Валерьянка в тот день подавалась к чаю вместо конфет.

Три маленькие короткие жизни. И всего полтора часа, чтобы отдышаться. В комнате темно. Я укрылась одеялом по самый нос. Спряталась. Только редкие хлопки ресниц выдают, что это не сон.

- Раз - овца, два - овца, три - овца... интересно, а хорошо ли овцы играют в покер, - мысль перенесла меня из кровати за покерный стол.

- Овцы ещё те мошенницы, - подмигнула, чуть приспустив чёрные очки, одна из кучерявых. - Повышаю, - продолжила она, подвинув конфеты к центру стола.

В их компании я оказалась в самый разгар игры. Сидела и просто наблюдала за ними.

- Каре, - радостно вскрикнула другая, открывая карты и сгребая все конфеты к себе.

В этот же миг я обернулась, откуда здесь зеркало? Вглядываюсь в него и правда - каре.

Хлопок.

Открываю глаза # 3:14.

Присниться же такое.

Впереди меня ждали два самых ужасных дня. Но радовало то, что один уже позади. Умирать лучше неожиданно, к такому выводу я пришла вчера. Но мне откуда-то было известно # сегодня будет пожар. Только где и когда оставалось тайной. А может опять повезёт? И зачем я подписывала этот договор?!

- Чего ты там бубнишь, - слышу голос сестры. - Спи!

- Сплю, сплю, - отвечаю я, а сама думаю # дурацкие овцы, как теперь уснуть.

Утро. Опять задумалась. Убежал кофе. Налила себе чашечку, вышла на балкон. Открыла окно, летний воздух ворвался и пробежал по всей квартире. Мне даже показалось, что я его увидела. Он как светловолосый мальчишка лет трёх шлёпал ногами по полу и хохотал.

Зажигалка. Щелчок. Выдох. Но что-то пошло не так. Мне трудно дышать, мне нужно на воздух.

Я толкнула сестру в плечо. Она вскочила с кровати # будто ждала. Быстро оделась и поспешила следом за мной.

Сестра догнала меня у лифта. Я стояла, не отпуская кнопку вызова, мой палец был белым от напряжения и словно прилип. Она убрала мою руку. Пока мы спускались, снова ворвался гул. Слезы и слова лились сами:

- Сегодня опять повторится, точно знаю, - я никак не могла остановиться. - Нам нельзя возвращаться, там всё сгорит, - говорила я захлебываясь.

- Хорошо, - ответила она. - Не возвращаемся.

Это было сказано так просто, будто мы решали, в какую кофейню зайти. Без паники. Без «ты с ума сошла!» Без попытки объяснить, что пожары не начинаются сами собой, что проводка новая, что это всего лишь вторник.

Она просто поверила.

И вот это было страшнее всего. Потому что, если сестра верит # значит, я не вру. Значит, это всё происходит на самом деле. А я ещё надеялась, что это всё неправда.

Мы пошли в сторону парка. Я сжимала ключи в кармане так, что они впивались в ладонь. Боль отвлекала. Сестра молчала. Она всегда молчит, когда ей страшно.

- Смотри, - прошептала она.

Я обернулась.

- Это же... - сестра не договорила.

- Соседи, - выдохнула я.

- Вызову пожарных, - тихо сказала сестра.

Я внимательно посмотрела на неё. Она не смотрела на меня. Она смотрела на дым. Он тяжёлым комом вываливался из окна и полз вверх по стеклам, заглядывая в окна.

- Ты мне веришь, - произнесла я, затаив дыхание. Это не было вопросом.

- Нет, - ответила она. - Но это неважно.

Я не заметила, как гул ушёл, а его место занял звук сирены. Голова не успела переварить их смену.

Пожарные приехали быстро. Мы сидели на лавочке у соседнего дома и смотрели как они разматывают шланги, как соседи выбегают из подъезда в пижамах, халатах и домашних тапочках.

Дым рассеивался, становясь серым, потом белым, потом совсем исчез.

Третья смерть пришла на следующее утро.

Я не хотела просыпаться. Мне снилось что-то тёплое, летнее, без дат и цифр. Но в 3:14 хлопок повторился # и я открыла глаза.

Сестра спала на кровати рядом, подложив ладони под щеку. Я смотрела на неё и думала: зачем ей это? Зачем ей моя война? У неё своя жизнь, своя работа, свои нормальные проблемы # ипотека, отпуск летом, кошка, которую надо кормить. А вместо этого она вторые сутки пьёт валерьянку и слушает бред про договоры душ.

Я тихо встала, вышла на кухню. На столе лежали её ключи. Я взяла их. Положила обратно. Взяла.

Я не выбирала этот круг. Нужно подумать, как из него выйти.

- Опять? - раздалось сзади.

Я обернулась. Сестра стояла в дверях, щурясь от света открытого холодильника.

- Нет, - положила ключи на стол. - Сегодня по-другому.

- Как?

- Я не знаю. Но больше не буду ждать.

Она смотрела на меня долго. Потом вздохнула.

- Тогда чай.

Мы пили чай. За окном светлело небо, начинался новый день.

- Расскажи мне ещё раз, - попросила она. - Про договор.

Я молчала. Смотрела, как пар поднимается над кружкой. Сестра не торопила.

- Представь, - начала я, - что там, наверху, есть целая канцелярия. Все души под учётом.

У каждой — задача, которую она сама выбрала перед тем, как спуститься сюда.

- Сама выбрала?

- Конечно, у неё же задача. Есть души опытные, они берут сложные, болезненные. Есть те, кто только учится. Их задачи проще.

- И что это за задачи такие?

- Жить. Научиться жить. - вздохнула я.

- Жить - разве это задача? - усмехнулась сестра.

- Ещё какая, - сказала я.

Она не перебивала. Я продолжила:

- Души живут колониями. Как люди. Только по-другому. Они могут взаимодействовать, помогать, мешать — всякое бывает. Но все равно вместе. По отдельности не справиться.

- А мы? - спросила она тихо. - Мы с тобой из одной колонии?

В её глазах появился едва уловимый блеск, веко увлажнилось ещё чуть-чуть и ручеёк сорвется на кухонный стол.

- Не знаю точно. Вероятнее всего, да. Мы не просто встретились здесь.

Она кивнула, будто это был ответ.

- А когда задача слишком сложная, - сказала я, - когда душа боится, что не справится... тогда её самая близкая приходит на помощь.

- В смысле — приходит?

- Спускается вместе с ней. Чтобы быть рядом и поддерживать, но не так как мы привыкли. А совсем наоборот.

- И это называется... любовь? - спросила сестра.

- Странная у них любовь, - ответила я.

- Но да, чем больнее, тем лучше. Именно так близкие души помогают друг другу.

Она водила указательным пальцем по краю чашки и молчала. Потом спросила:

- А подсказки? Ты говорила про какие-то следы.

- Душа оставляет их себе сама. Чтобы легче было найти путь.

- Как это оставить следы? - она нахмурилась, - это значит... она одновременно и здесь, и там? Иначе она их может спутать с чужими?

Я улыбнулась. Впервые за долгое время — тепло, без горечи.

- Ты всё правильно поняла.

- Но как?

- Я думаю, наши сны, подсказки в книгах, случайно услышанная фраза в разговоре, повторяющееся числа — это все она, работа у нее такая быть везде. Смотрит за всем, что происходит. Следит, потому что только она знает, зачем пришла. Но помочь не может.

- Почему?

- Когда план собственный винить некого.

Она рассмеялась. Коротко, удивлённо.

- Шпаргалки?

- А ты думала, там только торжественность? Там тоже бюрократия и дурацкие правила. По инструкции, нельзя вмешиваться, только наблюдать. А нам остаются только обрывки плана, который нужно расшифровать.

- Жёстко, - сказала сестра.

Я допила чай. За окном серело небо. Скоро утро.

- И ты поэтому не спишь по ночам? - спросила она.

- Нет, - ответила я. - Я не сплю, потому что он здесь. - сказала и положила руку, в то самое место, где живет душа.

Сестра промолчала. Она просто сидела рядом.

И этого было достаточно.

Нож. Холод. Удар.

Это случилось, когда мы шли в магазин за хлебом. Просто в магазин. За какую-то долю секунды, резко #лезвие прошло насквозь и теперь только ветер гуляет именно там, где и без этого уже год не заживало. Что это? Убийство или пытка с хирургической точностью? Я остановилась, ноги были ватные. Схватила за бок, не могу понять стою я или лежу посреди улицы да это и не важно. Силуэт сестры поплыл, в глазах потемнело.

- Что? - сестра резко обернулась и подбежала ко мне. Я отдышалась. Картинка снова прояснилась. Пара секунд и лезвие начало таять.

- Всё в порядке, - выдохнула я. - Прошло.

Она смотрела на мою руку, прижатую к рёбрам.

- Это была третья, - сказала я.

- Какая?

- Последняя.

Мы постояли так с минуту. Прохожие обходили нас, кто-то оборачивался, но все шли дальше.

- Точно всё? - с сомнением в голосе уточнила сестра.

- Точно.

Я смотрела на неё. Она смотрела на мою руку, потом перевела взгляд на моё лицо. В её глазах было что-то, чего я прежде не видела # ни страх, ни вопрос. Понимание.

Ветер дунул, сквозь мою рану и шевельнул её волосы. Она даже не моргнула. Смотрела так, будто я могла исчезнуть в любую секунду.

- Всё, - сказала я наконец. - Прошло.

Она выдохнула. Так выдыхают, когда долго не дышали.

Она кивнула. И мы пошли. За хлебом.

Вы когда-нибудь пробовали хлеб со вкусом свободы?

Свободы, которую получили случайно, на сдачу.

Той ночью мне впервые ничего не снилось.

Я спала без снов. Тяжело, глубоко, как под водой. Без хлопка. Без цифр. Без него.

Пролетело полгода. Меня то штормило, то буря давала передохнуть. Я больше не вздрагивала от каждого уведомления. Однажды сварила кофе и не смогла вспомнить, сколько сахара он любит. И тут я по-настоящему испугалась: а куда делась та, которая помнила?

Но в то утро, когда раздался звонок. Нет, не тот звонок, которого я ждала. Да... ждала снова.

Дура.

Но именно тот, который был нужен.

Николай Игоревич, мой старый знакомый, позвал в храм. Я поняла: отвертеться у меня шанса нет. И пошла.

Всё та же тропинка в парк. Серое утро. В храме идёт праздничная служба. Я пытаюсь вести беседу с Николаем.

- Как твои картины? - спросил он.

К слову, Николай был моим главным поклонником и покупателем. Я поправила платок, чуть растягивая слова сказала:

- Не могу я писать, Коль, нет сил, - призналась и, оглянувшись по сторонам, продолжила, - они мне всю душу вымотали, Коль.

Я мечусь от мыслей: «когда ж это всё закончится» и «почему Бог не слышит моих молитв?»

Люди проходят вперед, ближе к храму. И я оказываюсь одна у маленькой колокольни прямо напротив колоколов. Их звон приглашает на службу.

Я просто стою и смотрю на них.

Они на меня.

Я снова на них.

Резкая мысль.

Знаю. Я знаю, что мне нужно. Всего один удар.

Но как? Здесь столько людей. Снизу табличка: *«Ударить в колокол можно только с разрешения»*.

Я ищу глазами батюшку. Он занят. Служба в разгаре.

Заметив моё состояние или ещё по какой-то неведомой причине, ко мне подходит Николай Игоревич и тихо, на ухо, говорит:

- Я разрешаю. Бей!

В то же мгновение раздался громкий, оглушающий низкий звук.

Доооон.

Птицы, ошалевшие от моей наглости, вспорхнули. Люди обернулись и уставились на меня. Коля стоял в стороне и улыбался. Возможно, мне или чему-то, чего я не узнаю. Возможно, тому, что я все-таки дозвонилась.

Я поцеловала колокол залитыми от слез губами # и ушла.

По пути домой снова прикурила сигарету, уже даже не вспоминая, что когда-то хотела бросить курить. Дым попал в глаза, щиплет. Мимо меня что-то проскочило и скрылось в кустах.

Какая странная, подумала я, и шерсть у неё странная, кучерявая. Совсем не похожа на собаку.

Глянула на часы.

14:14.

Глава 7

Где это видано, чтобы волк молился за овцу перед тем, как её задушить?

Но не забывай: у овцы всегда может быть флеш-рояль.

Фортуна благоволит смелым!

Хорошо, что эта книга не о любви. Прошу без осуждений. Самой смешно. Мы снова помирились, но счастливые две недели показали, что не навсегда. Снова скандал и это последний. Всё. Точка.

Причина? Не важно.

Два гордеца, два эгоиста. И каждый раз # мы ставим жирную точку. Возможно, не жирную, а скорее смазанную. Как его взгляд после, по его словам, самой натуральной сигареты.

Ещё неделя и лето. Всё ожило и расцвело. Я заметила, что баланс на карте делает расставание не таким уж и прискорбным. И я, с надеждой, что кто-то высоко в небе меня слышит и

поддерживает, сидела на берегу своих иллюзий. Даже не подозревая, что скоро цунами опять смоем огромной волной все мои песочные замки.

Мне давно уже не снился вальс, я его даже почти не просила. Меня все чаще кружили дискотеки и вертолеты от бара до подушки. Был обычный человеческий сон.

Хлопок.

3:14.

Простыня сбилась, мокрая подушка, пришлось перевернуть её на другую сторону. Темно. Еле блестят вензеля на обоях.

Что-то меня разбудило за секунду до. Звук сообщения.

И самый банальный текст в мире:

- Спишь?

- Сплю! - ответила я и убрала телефон. А сама уже тонула: как же я чертовски соскучилась...

Ещё звук.

«Не думай, я пишу не для того, чтоб помириться. Я просто хочу, чтобы ты знала: за время, что мы были вместе, ты стала для меня дорогим человеком. Я знаю, что тебе плохо. Я буду молиться, чтобы у тебя было всё хорошо».

- Помолись, - подумала я. - Теперь твоя очередь.

Прочитала. Ничего не ответила. Закинула в блок.

И тут же утонула в своих слезах.

- Да я лучше с самим чёртом буду, чем с тобой! - захлебываясь, кричала я в подушку.

Мокрую уже с двух сторон.

Прошло семь дней тишины.

Я не помню этих дней. Они просто стёрлись. Знаю только, что телефон лежал экраном вниз, я на него не смотрела. Заваривала кофе, но не пила # он остывал, я его выливала. Есть не хотелось совсем. Суп покрывался белой пленкой и отправлялся следом.

Кот подходил, тёрся о ноги, я его гладила, но не замечала. Он уходил обиженный.

На седьмой день я встала, умылась, посмотрела в зеркало. Оттуда на меня смотрела совсем чужая женщина # худая, с тёмными кругами под глазами. Я сказала ей: «Привет!» - Она ничего не ответила, только подмигнула.

Зазвонил телефон. Блондинич позвала меня в ресторан. Листая меню, я почувствовала: в горле застрял комоч тошноты. Плотный, сухой.

Стало понятно: не ела уже семь дней. И сегодня не лучший день, чтоб начинать.

- Я буду бульон и чай. А ты? - отложила меню в сторону.

- Ещё не выбрала, - ответила она, на миг оторвав глаза от блюд, - посмотри на столик слева, - чуть смеясь, произнесла она.

- И что там? - поинтересовалась я и обернулась.

За соседним столиком к нам спиной сидела женщина в широкополой чёрной шляпе и белой шубке. Рядом с ней стояла пепельница, в которой тлела сигарета, видимо, она читала что-то увлекательное, раз забыла о ней.

- Жарко же, - подумала я, - чего она в шубе?

- И ничего не жарко, если шуба натуральная, - недовольно буркнула женщина.

- Неужели я это сказала вслух, - пронеслось в моей голове, - неловко вышло.

Я отвернулась и больше не поворачивалась.

Мы просидели до позднего вечера, увлекательная беседа вышла в тот день. Благо в городе ещё есть заведения, где есть домашнее вино и разрешают курить. В них можно пропасть не только на вечер, но и на целую жизнь. В полночь меня ждало такси. Не путать с Золушкой. Ровно сорок одна минута мостов, фонарей и спящих окон.

Я снова дома. Пьяная, а от бального наряда, тыквенный суп в контейнере на завтра и стрелка на капроне.

Я вышла на балкон, открыла окно, ворвался воздух.

Там в углу, стояли три картины, которые так и остались не дописанными. Сегодня я могу на них просто смотреть, они меня больше не душат. Мне абсолютно плевать.

На первой космос. Идёт игра. Шахматная партия. И пешка дошла уже до края доски. На ней мне осталось лишь добавить детали. Зажечь звезды, дожидаться, когда просохнет и покрыть её лаком.

Смотрю на вторую.

- Красиво выходит. Корабли немного жаль, - я выдохнула дым сигареты в окно. - Если уж утонул, дай газу. Может, с другой стороны, выплывешь! Уже нечего терять, ты всё равно промок.

На последнюю меня вдохновил сон. Те самые смешные овцы, которые играли в покер. Конфеты, карты, черные очки # всё как полагается кучерявым.

Однажды он сказал:

- Ты рисуешь как душевно больная.

Я задумалась. Он попал прямо в цель. Я начинала писать именно тогда, когда болела моя душа.

В то время я писала письма и отправляла, не зная адреса, пеплом по ветру. Я верила, они точно знают куда лететь. Лишь одно письмо сохранила и перечитывала:

«Ты был прав. И точно определил причину, которая вынуждала меня писать. Обещаю большие не брать в руки кисточку, как только перестанет болеть душа».

Кому понравится умирать с каждым мазком, с каждым движением кисти? И какой толк от картины, на которую ты не можешь смотреть, и она пылится на шкафу? Или подарена, продана и того хуже # уничтожена самым варварским способом?!

Я сама не заметила, как искусство ушло на тёмную полку.

Исцеление не зашло в парадную с песнями и танцами. Не звонило в дверь. Оно тактично каждое утро тихо присаживалось на подоконнике # и мы пили кофе.

Сначала цифры, потом вот это. Сколько можно, скажите?

На подоконнике сидела овца.

Обычная. Белая. Слегка кудрявая. Зачем-то нацепила мой ободок, он ей, несомненно, к лицу, или к морде... Она пила кофе без сахара и задумчиво смотрела в окно.

- Тебя как зовут? - спросила я.

Она повернула голову. Посмотрела на меня, уж больно каким-то человеческим взглядом. Немного подумала и произнесла:

- Я ещё не придумала.

И отвернулась.

Мы пили кофе молча. Я не стала задавать лишних вопросов. Она ж не мешает. Почему бы овце не заходить на кофеёк?

Прошло время. Ещё оставались нечастые приступы тревожности. Но я привыкла.

Прекратился и поток писем человеку, имя которого я пообещала себе не вписывать в книгу. Будь то книга моей жизни или та, которую я пишу сейчас. Честно говоря, это имя как нельзя лучше влилось бы в сюжетную линию и даже добавило яркости. Но договоры должны соблюдаться на всех уровнях!

Глава Дьявол

В воскресенье ангелы не работают. И именно сегодня я могу вытащить всех бесов и самого Дьявола.

Вы встречали когда-нибудь Дьявола?

Не торопитесь говорить нет. В современном мире он не приходит с рогами и копытами, как его там нафантазировали. О нет, в наше время он вежлив, элегантен, дорого пахнет и достаточно хорош собой. Подозреваю, сам Дьявол не знал, что он таковым является.

И если Вы ещё верите в случайности — наша с ним встреча была абсолютно случайной.

3:14 больше не существовало в моей памяти. Но Вселенная помнит всё! И если чего-то искренне пожелать, она обязательно тебе это преподнесёт. Шутница, тактично выждет, чтобы ты не смог понять, как это работает.

Середина августа. Тёплый, ласкающий вечер. Ещё пара недель и в Петербурге наступит осень. Я загорелая, отдохнувшая в отпуске и вновь живая, отправляюсь с подругой в центр # закрепить впечатления первой совместной поездки.

Но внутри меня легкий тремор. Я списываю его на акклиматизацию.

Он шёл и смотрел на меня. Сквозь толпу. Я его вижу. Тридцать метров, двадцать, десять. И вот он передо мной.

Смотрю на него и не понимаю почему не могу отвести взгляд. Он мне улыбается.

- Можно с вами познакомиться? - произносит он.

Та самая случайная встреча, к которой ты никогда не будешь готова. Я приняла эту игру.

- Да.

Я не помню точно, когда впервые поняла, что это не просто мужчина.

Кажется, во вторую нашу встречу. Или в третью. Он говорил, я слушала. И вдруг поймала себя на мысли, что он пустой. Не злой, не добрый. Внутри него # не отсутствие, аместилище. Как комната, которую давно не сдавали, а теперь открыли и ждут, кто в неё войдёт.

Я вошла.

Не потому что хотела. Потому что меня позвали.

Семь месяцев.

Семь месяцев я хранила верность человеку, которого больше не было. Не в том смысле, что он умер. Он был жив, но перестал существовать в тот момент, когда в последний раз за ним закрылась дверь.

А я всё хранила.

Не потому, что надеялась. Надежда умерла на третьем месяце # я сама её задушила, чтобы не мучилась. Я просто не могла иначе. Это как язык, который выучил: ты уже не думаешь, как строится фраза, ты просто говоришь. Я разучилась изменять # даже в мыслях, даже в шутку, даже когда никто не видит.

И вот # он.

- Ты не любишь меня, - сказал он однажды.

Это не был вопрос.

- Нет.

- Ты вообще ничего не чувствуешь. Ты закрыта. Я вижу. Ты смотришь на меня и думаешь: интересный экземпляр, надо бы изучить.

Я молчала.

- И при этом ты здесь. Почему?

Я долго думала. Потом сказала:

- Потому что я тебе нужна.

Он замер.

- Я знаю, каково это быть тем, кого не выбирают, - сказала и посмотрела в его черные глаза. - Я жила с этим семь долгих месяцев. Смотрела на телефон и думала: ну, пожалуйста, просто напиши, просто вспомни, что я существую. Ничего не приходило. И теперь знаю, как это # нуждаться в ком-то, кому ты не нужен.

- И глядя на тебя, я поняла: ты сейчас в той же точке. Только у тебя нет семи месяцев. У тебя # тысячелетия.

- Ты жалеешь меня? - спросил он. В голосе # не обида. Почти удивление.

- Нет. Просто... могу быть тем, кого не хватало. Я могу быть нужной. Хотя бы один раз. Хотя бы тебе. Хотя бы сегодня.

- А ты? - тихо спросил он. - Тебе это зачем?

- Мне # чтобы знать, что я ещё способна прийти. Не за спасением. Не за любовью. А просто потому, что могу дать то, чего у другого нет. И это не опустошает. Это наполняет.

Мы шли к ресторану пешком. Он курил, дым сигареты оставался позади туманом. Я смотрела под ноги. Чёрный асфальт тротуара укрывался листьями, он так же как и я отдал свое тепло и замёрз. Осень, слегка моросил дождь. Разговор сам собой свернул на то, о чём мы никогда не говорили вслух.

- Ты веришь, что жизнь циклична? - спросила я.

- В каком смысле?

- В прямом. Что мы проходим одни и те же круги, пока не сдадим экзамен. Пока не поймём, где именно стоим. И если умудриться прочесть этот круг # не вообще, а конкретно этот, сегодня, сейчас, то можно предугадать события. Потому что ты уже здесь был. Просто не помнишь этого.

Он шёл молча. Потом сказал:

- Я помню.

Мы остановились.

- Что?

- Я помню все свои круги. Все до одного. Это не привилегия. Это проклятие.

И мы пошли дальше. И тут что-то мелькнуло, короткое, как уже знакомый ночной хлопок. Я тихо произнесла:

- Артур.

Он не услышал или сделал вид, что не услышал.

В ресторане был полумрак. Он заказал виски, в моём бокале темнело вино. Мы говорили ещё о чем-то, уже не помню о чем. Я подняла глаза и увидела его лицо # не то, чтобы оно изменилось, но что-то в нём сместилось. Понимаю # он устал. Он почти спит с открытыми глазами.

Они двигались так же. Голос звучал так же. Но внутри, внутри что-то сдвинулось. Как будто за наш столик присел кто-то третий, и только сейчас это стало заметно.

- Ты слышишь меня? - спросил голос.

Это был не его вопрос. Не его интонация. Не его пауза между словами.

- Слышу, - ответила я.

- Хорошо. Времени мало. Он устал, он почти спит, и я могу говорить только пока он не проснётся. Слушай.

Я слушала.

- Ты думаешь, что ты пришла к нему. Или он пришёл к тебе. Ты пришла к двери. Он # дверь. Ты думала, что войдёшь и останешься. Нет. Ты войдёшь # и выйдешь. Сразу. Потому что с той стороны нет ничего, что тебе нужно.

- Но ты должна войти. Хотя бы на шаг. Только так узнаешь, что обратно # можно. Ты не заперта и ключ — всё это время у тебя в руке.

Я посмотрела на свою руку. Никакого ключа не было.

- Он у тебя, - сказал голос. - Ты просто не хочешь его видеть. Потому, что если увидишь, то придётся уйти. А ты привыкла ждать.

Я молчала.

- Беги, - сказал голос. - Не от него. Беги из этого зала ожидания.

- Кто ты? - спросила я.

Он моргнул. Посмотрел на меня мутными, усталыми глазами.

- Ты что-то сказала? - спросил он своим голосом.

- Нет, - ответила я. - Ничего.

Мы допили. Он подозвал официанта, попросил счёт. Сам Дьявол смотрел на меня и не понимал, почему вдруг всё закончилось.

И в эту секунду # ровно в эту # к нашему столику подошёл официант.

- Ваш счёт, - сказал он.

Взгляд упал на его бейдж.

Артур.

Я замерла.

- Что такое? - спросил дьявол.

- Ничего, - ответила я. - Просто... мне показалось.

Переведя дыхание, посмотрела на часы # 01:01.

Я и сама не понимала.

Но рука уже тянулась к сумке. Тело уже знало то, до чего разум дошёл только утром.

Я услышала. Я приняла. Я ухожу.

Уже в дверях стояла и смотрела на него.

- Спасибо, - сказала я. - За ключ.

И вышла.

Дьявол сидел и смотрел ей вслед. Она просто встала и ушла. А он как будто, уже и не помнил, что так можно.

Тем временем Артур закрыл входную дверь на ключ и направился к дьяволу.

- Видал какая, послала все к черту и ушла, - дьявол взял ключ и рассмеялся.

Неподалеку, под фонарем стояла овца и вдумчиво читала газету. — Странно. - подумала я.

Моё такси подъехало, и я села.

С того дня мы больше не виделись.

Я не знаю, кто он был на самом деле. Дьявол? Просто мужчина? Временный вещатель для чужого голоса? Мне перестало быть это важным.

Я помню только одно: той ночью меня позвали по имени. Не он. Тот, Кто стоял за ним. И я ответила: «Да».

Не согласием. Не молитвой. Не клятвой.

Просто # узнаванием.

«Да, я здесь. Да, я слышу. Да, я ухожу».

Письмо, которое я никогда не отправлю:

«Дорогой Дьявол.

Я поняла твою игру.

Ты дал мне возможность бежать от тебя, потому что знал, что если я останусь, то ты разрушишь то, что полюбил. А ты полюбил во мне ту самую светлую часть, которая и делает меня неподходящей для тебя.

Спасибо за ключ.

Я использую его не для побега от тебя. Я использую его для входа в себя. Там, где у тебя нет власти. Там, где есть только я и Бог, который говорит со мной знаками, цифрами, снами.

И, может быть, однажды мы встретимся как равные. Не как искуситель и жертва, а как две души, которые нашли друг друга в этой странной войне между светом и тьмой.

И поняли, что граница между ними проходит не снаружи, а внутри.

И что каждый из нас носит и того, и другого.

Просто ты выбрал роль тьмы.

Я выбираю роль света.

Но благодарю тебя за урок.

И за любовь, которая оказалась самой чистой из всех, что мне предлагали».

Глава 1<

*Сколько нужно пастухов,
чтобы передохли все овцы?*

Сколько раз нужно умереть, чтобы понять: тебе никто ничего не должен? Ни Бог, ни Чёрт. Мне нужно было три раза, чтобы убить в себе страхи.

И один раз # чтобы убить иллюзии.

Именно сегодня его похороны. Вот, видите кресты?

Нет, нет, там дальше. Вот те четыре – все мои! Давайте подойдём ближе.

Лёгкий ветерок едва колышет траурную ленту между искусственными белыми лилиями венков. Надпись золотистого цвета на одной из них гласит:

«Здесь покоятся иллюзии и рухнувшие надежды».

К сожалению, нечем похвастаться. Когда-то они мне были очень дороги, мне нужна всего минутка, чтобы попрощаться. Иногда на кладбище стоит приходить, чтоб освежить память.

Ещё неделю назад мы сидели на моей кухне, пили виски и говорили. Ночь, тихий завораживающий свет гирлянды. Два бокала и два близких и в то же время чужих человека. В последний раз осознавая всю трагичность # глупость и безысходность.

Он прошептал, тихо выдыхая сладкий дым, севшим от сигарет или от нервов, голосом:

- Моя же гордость сыграла со мной злую шутку, - он затаился и продолжил. - Система в очередной раз победила. У нас опять ничего не вышло.

Он ещё долго сидел и смотрел. Я так и не поняла куда, возможно, куда-то в себя.

- Тут даже не поспоришь. Билет в Грузию куплен. И юной красавице # быть женой.

- Женой живого человека, но для неё и для себя, скоростно покинувшего этот мир, - мелькнуло в моей голове.

Я не стала ни о чем спрашивать. Да и вопросы давно закончились.

Он ушёл со словами:

- Увидимся.

Именно так прощаются навсегда.

Я психовала и кричала:

- Это не знак – это пощечина! Почему билет именно на 14 число? Что? Что ты хочешь мне сказать? - я посмотрела вверх, как будто вместо потолка увижу небо.

Ведь никто, никто не знал про мою маленькую войну и магию чисел. Я опять проклинала дурацкое число. Даже не его, а то, как в одно мгновение чистота маяка, который провёл сквозь все штормы, разбилась об электронный билет в Грузию.

В тот же миг в ушах зазвенело, раздался уже знакомый, тяжёлый протяжный доооон...

Какая же я овца, мне тысячу раз повторяли:

- Все происходит не с тобой, а для тебя. Просто верь!

Я же время барахтаюсь, думаю, что тону. Воды по горло, а сама стою на коленях. Идиотка! Нет, чтоб встать.

- Спасибо. - Это было какое-то досадное, но облегчение.

Виски сделал своё дело # уснула я в ту ночь быстро.

Утро было не добрым. Голова трещала. В зеркале # опухшие от слёз и алкоголя глаза.

Сбежавший кофе уже не смог нарушить и без того покинувшее спокойствие. Сигарета. Щелчок. Затяжка. Выдох. И совсем не сладкий этот дым, как казался вчера.

На кухне опять остались только я и моя уже старая знакомая, которая облюбовала мой подоконник. Не перестаю удивляться, как она так ловко справляется с чашкой.

Её копытца слегка поблескивали на солнце. Она сидела, чуть покачивая ногой. Еле слышно напевая что-то на овечьем. Затем замолчала и продолжила попивать из кофейной чашечки.

- Сахар будешь? - спросила я, пододвигая сахарницу в сторону овцы.

- Ты в своём уме? - возразила она. - Какой сахар?! «Я слежу за фигурой», - сказала овца, отвернувшись к окну и продолжила покачивать ногой.

- Лишь бы цветок не уронила, - подумала я.

Мы продолжили молча пить кофе.

Так прошёл почти месяц.

Сегодня впервые я посмотрела его историю в социальной сети. Они были и до этого, но я не могла их смотреть. Может, я ждала именно эту. Ещё не просто, что-то внутри ёкает, но как-то по-другому. В квартире снова тесно.

Я вышла в парк.

Мне нужен воздух.

Иду по знакомой тропинке через деревья, ночью выпал свежий снег. Сегодня морозно, хороший повод выйти, чтобы остудить свою голову. Впереди на солнце блестит купол церкви. На улице ни души, странно, хороший ведь день. Присаживаюсь на скамейку и думаю:

- Сколько раз нужно выставить историю с пронзительным и душещипательным текстом о ничтожности любви, страсти и красоты? Сколько? Чтобы самому поверить в то, что ты сделал правильный выбор?

Даже внутренний голос тут молчит.

- Я не знаю, сколько, - еле слышно выскользнуло вслух.

- Много, - раздалось слева. - Чего я тут только за своё время не насмотрелась.

Я повернула голову.

На скамейке, в чёрных солнечных очках, закинув ногу на ногу сидела овца. Та самая, уже ставшая мне хорошей знакомой. Поначалу меня смутили солнечные очки, но нет сомнений, это точно она.

- Ты что тут делаешь?

- Гуляю, что не видно? - с вызовом ответила овца.

- Сигареткой угости, - она покосилась на мою пачку.
- Ты же овца.
- Ну да. И что?

И правда, как-то даже не ловко. С чего я взяла, что овцы не могут курить. Протянула ей пачку. Она взяла зубами сигарету, наклонилась к зажигалке, прикурила. Откинулась на спинку скамейки. Выдохнула дым куда-то в сторону купола. С минуту мы сидели молча. Овца продолжила:

- Он пытается убедить, - овца затянулась и пустила дым колечками.
- Кого убедить? - уточнила я.

- Себя, - ответила овца. - Все они так думают, что если другие поверят, может и я сам поверю. Увы, так не работает.

- А как работает?

Она взглянула на меня исподлобья, придерживая очки копытцем, и заявила:

- Деточка, ты давно всё сама знаешь. Просто боишься себе признаться.

Мы опять замолчали. Я докурила. Овца тоже.

- Спасибо, - сказала я.

- Обращайся, - ответила она, спрыгнула со скамейки и задорно побежала в сторону церкви.

- Стой, ты забыла очки, - но овца меня уже не слышала.

Чудная, подумала я. Достала телефон. И отписалась от его аккаунта.

Я взяла в руки очки. Определённо у неё есть вкус. Надела их и пошла домой.

Дома, заглянув в зеркало, я увидела ту самую овцу.

- И это я в таком виде шла по городу? Не может быть, - с ужасом подумала я.

Сняла очки и тут же стала сама собой.

- Вот оно как, дело в очках! В следующий раз забежит, нужно не забыть отдать, - подумала я и положила очки в ящик комода.

Прошло два дня. Овца так и не забегала. Я приступила к своей последней картине. И впервые не потому, что мне было больно, а просто потому, что хочу этого.

Процесс шёл слаженно и быстро, и уже через пару часов на холсте, среди зелёных трав, залитых солнцем, появилась она. Нет, не та овца, которую я видела, а совсем другая, новая. Она лежала на лугу и читала книгу.

Красный переплёт, плотный лист, но на нём нет ни единой буквы. Если было бы всё так просто, но эта книга специальная, только для овец. В ней есть всё: дорожные знаки, часы и цифры, номера машин. На другой странице сны, голоса и хлопки, авиабилеты, места в купе и номера поездов.

И только настоящая овца, взяв свою книгу в руки, может сложить все пазлы. Потому что книгу без букв невозможно прочесть, её можно только прожить.

От автора

Так могла бы закончиться эта книга, но я не могу утаить детали. У каждого в этой истории - своя вселенная. Свой голос, своя правда и все они имеют право на существование. И теперь пришло их время говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.